

М. И. Козьякова¹

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: КОНСОЛИДАЦИЯ И КОНФЛИКТ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Специфика современного этапа развития общества характеризуется масштабными трансформациями, происходящими в различных областях жизни. Утрачиваются еще вчера, казалось бы, незыблемые закономерности, уходят в прошлое органичность и целостность культурного универсума, ликвидируются его стабильность и предсказуемость. Вместе с нарастающей скоростью и радикализмом происходящих перемен нарушается устойчивость среды обитания — она все больше подвергается виртуализации и субъективации, в ней нарастает онтологический солипсизм. Темпы социокультурной динамики настолько возросли, что мир становится «ускользающим» (Э. Гидденс).

Уходит в прошлое последовательность традиционного, линейного типа развития, замененная сложными типами траекторий, в том числе цикличностью, возвратом и повторением, новыми принципами взаимодействия порядка и хаоса. На место предсказуемого, значимого мира приходит мозаичное многообразие, разнообразие сценариев возможного будущего, не поддающегося каким-либо прогностическим про-

цедурам — так называемый «конец социального». Перспектива становится неопределенной, увеличиваются экономические, политические, социальные, экологические риски, которые превращаются в «неотъемлемую принадлежность прогресса» (К. Бек).

Общество стремится консолидироваться вокруг потенциальных опасностей, осознавая многие из них, стараясь спрогнозировать и предотвратить их последствия. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования системных стабилизаторов, в том числе основных, базовых идентичностей, таких как национальная, социальная, конфессиональная принадлежность, идеологические маркеры, а также факторы, опосредующие процесс идентификации. Нация и национализм, перспективы их развития, национальный вопрос и национальные интересы перемещаются с периферии общественного внимания в центр ожесточенной политической, идеологической, экономической борьбы, проецируются в фокус важнейших проблем современности.

Актуализации данной проблематики способствует также развитие глобализационных тенденций, охватывающих различные регионы мира. Территориальные границы становятся все более проницаемыми, утрачивается неповторимость национальной культуры, возможности ее сохранения («конец географии» Р. О'Брайена и П. Верилио). Доминирующая североатлантическая либо европейская модель навязывает остальному миру собственную систему ценностей, стереотипы образа жизни, тем самым провоцируя воз-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий: «История. Культура. Повседневность», «Эстетика повседневности», «История материальной культуры, быта и костюма», «Красное»; статей: «Культура и миф: прощание с модерном», «Утилитарные интенции искусства и архетип Европы», «“Звездная область” свободы: на пути к модерну», «Этнокультурный диалог как исторический опыт России», «“Третий Рим” как современность» и др. Член Московского культурологического общества.

никновение ответной реакции: глобализация, амбивалентно влияя на каждый отдельный социум, практически повсеместно генерирует локальный традиционализм — «местный национализм оживает в ответ на глобализационные тенденции»¹.

Понятие нации, а также связанного с ней феномена национализма является в настоящее время предметом дискуссий. В отечественной научной литературе нация определяется чаще всего как историческая общность, базирующаяся на общем языке, территории, экономике, культуре, то есть как современная форма этноса, что в свое время нашло отражение в классическом сталинском определении. В том или ином приближении оно апеллирует к этническому своеобразию, к умеренному, историко-эволюционному примордиализму, что, имея веские основания, отнюдь не исчерпывает современную националистическую проблематику, не способствует прояснению причин ее актуализации.

Если рассматривать зарубежные подходы, то оппозицией примордиализма выступает конструктивизм, в котором нации репрезентируются как искусственные политические образования, «национальные проекты», инициируемые политическими (властными, интеллектуальными, культурными) элитами. Репрезентативной является классическая концепция Б. Андерсона, в которой он определяет нации как «воображаемые сообщества» — некие конструируемые субстанции, являющиеся продуктом индустриальной эпохи. Здесь также имеются исключительно важные аспекты, поскольку данный концепт опирается на реальные исторические факты: рождение современных наций происходит в период Нового времени. В этом генезисе исходным пунктом являлась борьба за национальное и социальное освобождение — первоначально нации формировались в ходе национально-освободительной борьбы в Латинской Америке, в США; политически же феномен нации конституализировался во время Великой Французской революции, объединив народ в новую гражданскую общность вместо «подданства французской короны».

Рождение наций идет рука об руку с рождением национализма. Более того, национализм, как теория и практика целевого взаимодействия, служит средством, инструментом реализации «национального проекта», является для него «повивальной бабкой». В политическом плане нации определяются достаточно однозначно — это сообщества людей, обладающих суверенной государственностью, они соотносимы с гражданскими сообществами (политические или гражданские нации). В политике, в сфере международного права нации легитимизированы как символы и синонимы государственных образований: Лига Наций, Организация Объединенных Наций. Они формализуются по признаку гражданства как произвольно конструируемые и потому могут быть изменчивыми, непостоянными. Нации, конечно же, детерминируются этническими факторами, но их политический аспект напрямую не связан с этническим основанием и может варьироваться в достаточно широких границах — так,

они могут быть полиэтничными (широко распространенный вариант) или моноэтничными.

Длительные дискуссии, проходившие в научном сообществе, различия в трактовках данного феномена несколько не препятствуют его функционированию в реальной жизни, хотя и не позволяют однозначно определить научное содержание категории «нация». Наиболее распространенным в настоящее время является субстанциональный, онтологический подход к данному явлению как к реально существующей общности, обладающей определенными характеристиками. Постмодернистские трактовки, прокламирующие отказ от жесткой формализации, акцентируют в связи с этим отсутствие константных структур, лабильность формализуемых объектов, нарастание метаморфоз. И потому в категории «нация» все больше актуализируется переход субстанциональных качеств в процессуальные — она интерпретируется не как фиксированная, статистически референтная социальная группа, а как некие практики, объединяющие людей, способности (потребности) к ассоциации, определяемые контекстуально.

Содержательный потенциал смыслогенетически родственных явлений — нации и национализма — в современных условиях поляризуется, они получают различные, как правило, диаметрально противоположные этические оценки. Так, нации, национальное представительство, национальные интересы, национальные проекты наделяются положительными смыслами как институты (деятельность), способствующие стабилизации, упорядочению социальных и институциональных структур, организации социального взаимодействия. Национализм же априорно оценивается негативно, снабжается отрицательными коннотациями, ассоциируется с шовинизмом и ксенофобией, поскольку был скомпрометирован идеологией и практикой германского национал-социализма, современными проявлениями в виде геноцида и этнических чисток.

Национализм, однако, многогранен: он не только постулирует превосходство отдельного народа, нации, этноса. Освобожденный от крайностей радикализма, он может нести положительную мотивацию консолидации общества, служения национальной идее, внимания к родной культуре, языку. В известной степени национализм замещает в современных условиях такие доминантные в прошлом базовые идентификаторы, как конфессиональные, сословные, классовые. Важнее, однако, иное: на отечественной почве он в любом случае не мог получить значительного развития, так как российские условия не содержали необходимых для этого феномена предпосылок. Национализм — теория и практика борьбы за территории, ресурсы, в том числе людские, а в нашей стране они имеются в изобилии, главная проблема — их освоение. Русский национализм проявлялся в ситуациях жесткого противостояния, в периоды национально-освободительной борьбы, где принимал форму патриотизма.

Россия в своем историческом бытии всегда являлась суперэтносом (Л. Гумилев), универсальным государством (А. Дж. Тойнби), «нацией наций», поскольку с самого начала своей истории русская государ-

¹ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 30.

ственность формировалась как полиэтническая цивилизация. Русь изначально строилась на фундаменте разнообразного этнического «материала», чье богатство в дальнейшем опосредовалось многообразными культурными влияниями. Это были не только номадические волны с их разрушительными, катастрофическими для оседлой земледельческой цивилизации последствиями. Была экспансия Запада — повторявшиеся с трагической неумолимостью нашествия и интервенции — польская, шведская, французская, немецкая и др. Закладывая архетипические установки витального противостояния врагу, они, однако, вместе с тем формировали привычку к взаимодействию с иными, чужими и чуждыми мирами; привычку к борьбе и одновременно к диалогу, ставшему впоследствии одной из доминантных характеристик русской культуры.

Россию изначально пронзали «токи двух крайне несхожих влияний» (Д. С. Лихачев) — Скандинавии и Византии. Влияние Византии, распространившей на Русь православное христианство, оказалось особенно важным, судьбоносным, определило сердцевину русской духовности. ни в древности, ни в Средние века страна не пребывала в изоляции, «не страдала болезнью национальной замкнутости и национальной исключительности» (А. М. Панченко). Д. С. Лихачев говорил в связи с этим об отсутствии в древнерусской культуре четких национальных границ, об общности культурного развития славянского региона — русских, украинцев, белорусов, болгар, сербов, румын¹. У восточных и южных славян фиксировалось наличие «культуры-посредницы», общей для *Slavia orthodoxa*. Та же ситуация характерна и для последующих периодов, несмотря на татаро-монгольское нашествие и последовавшее затем двухсотлетнее чужеземное иго.

В Новое время важный этап во взаимодействии с Европой начался с Петровских реформ, «вестернизации», жестко ориентировавшей дворянство и городские слои на европейские нормы, коренным образом преобразовавшие мировосприятие правящего класса. Гегемония французской культуры была поколеблена у поколения, пережившего наполеоновское нашествие. «Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французами, которым страстно хотелось стать русскими», — писал об этой важной перемене О. В. Ключевский².

Отечественная война и вызванный ею патриотический подъем ознаменовали важную веху в развитии национального самосознания: на вызов, предложенный нашей национальной культуре в виде давления чужой иноязычной системы, был дан мощный ответ русского «национализма». Это был ответ русской самобытности, составивший золотой фонд русской культуры, поставивший произведения отечественной литературы и искусства в один ряд с величайшими достижениями других национальных культур. Национализм проявился в XIX веке не только в патри-

отическом подъеме, но и в государственной политике в теории «официальной народности». В ней самодержавная Россия противопоставлялась Западу, зараженному идеями либерализма, а «народность» рассматривалась в качестве оплота политической и социальной стабильности — идеологема «самодержавие, православие, народность».

Эпохальные катаклизмы Первой мировой войны, Октябрьской революции преобразовали социальную систему. Революционная теория поднимала на щит идеи пролетарского интернационализма, а коммунистическая ортодоксия возрождала мессианский призыв универсалистского государства. Москва снова становилась «Третьим Римом», начертавшим на своих знаменах новый секуляризированный вариант вселенской доктрины. Однако за время своего более чем полувекового господства коммунистическая теория претерпела известную эволюцию: постепенно произошел отход от воинствующего космополитизма, в годы Великой Отечественной войны вернулась память о героических подвигах предков, получили свои права советский патриотизм, любовь к Отечеству. Марксистская идеология парадоксальным образом соединилась с историей Российского государства, выполняя важнейшую функцию консолидации советского общества. Дважды на протяжении прошедшего столетия был преобразован идентификационный комплекс: государство разрушалось и воссоздавалось заново. Однако национальные ценности, определившие лицо русской культуры, оставались неизменными, обеспечивая жизнестойкость и уникальность «русского мира».

Россия никогда не принадлежала к западному цивилизационному универсуму: не вдохновлялась картезианским рационализмом, не признавала протестантскую этику мотивации труда и потребления, не принимала собственность как альфу и омегу жизненного мира. Не внушали ей особого пиетета и либеральные ценности. А. С. Пушкин в свое время дал исчерпывающий ответ: «Не дорого ценю я многие права...» Свобода при этом мыслилась не столько «от» чего-либо, сколько «для», подлежа суду преимущественно не закона, но нравственных канонов.

Россия — иная европейская цивилизация. Сохранение и поддержка традиционных ценностей, русской культурной доминанты поставлены сегодня в повестку дня, что подчеркивает в своих выступлениях президент В. В. Путин³. Универсалистские ориентации, приверженность привычному для многих поколений россиянам образу страны как великого государства формируют солидарность, органическую целостность общероссийской идеи, восстанавливают еще недавно, казалось бы, утраченную идентичность. Патриотизм, имплицитно присутствующий в российском архетипе, недавно ярко проявился в связи с крымскими событиями как гордость за страну, отстаивающую свои позиции на мировой арене, мирным путем восстанавливающую свои исторические границы.

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. С. 6.

² Ключевский О. В. Курс русской истории: в 9 т. М.: Мысль, 1987–1990. Т. V. С. 167.

³ Речь на заседании Совета по культуре и искусству, выступление на Валдайском форуме, Послание Федеральному Собранию, статья «Россия: национальный вопрос».